

Олег АШИХМИН

Сюжеты

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Ашихмин О.

Сюжеты / О. Ашихмин — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Истории из жизни телевизионщиков, газетчиков, киношников и рекламщиков.
Смешные, забавные и местами трагичные. Всё, как в жизни.

Олег Ашихмин

Сюжеты

Русский сюжет

Мелехов и Фелюрин отлично заработали, и в уходящем году их рекламное агентство больше никаких проектов не планировало. За две недели до нового года они хотели закончить все дела, перед праздниками успеть смотаться с секретаршами или молоденькими актрисками в Таиланд на гостеприимный остров Пхукет, затем встретить корпоративный Новый год всей конторой в каком-нибудь пафосном московском клубе или кабаке, чтобы вся Москва знала как гуляет «Миф», а после присоединиться к семьям и провести первые новогодние дни в своих подмосковных особняках с лыжами, санками, снежками, криками детей и звонким лаем собак, банями и застольями, а так же с гуляниями по лесу и сидениями у камина. Из Подмосковья компаньоны собирались с женами, друзьями и детьми дней на десять съездить в Альпы и посетить какой-нибудь горнолыжный курорт, а затем по возвращению в столицу, потихоньку начать работать и наметить планы на предстоящий год. По опыту своей компании они знали, что до середины февраля никаких серьезных клиентов не будет, а январь, особенно первая его половина, вообще будет глухой, так как до старого нового года вся страна непрсыхая пьет, а их потенциальные заказчики, генеральные директора, топ-менеджеры и прочие босы, точно так же разъезжают по заграницам. Именно поэтому уже несколько лет подряд Мелехов и Фелюрин отпускали своих сотрудников в оплачиваемый отпуск на первые две недели января. Широкий жест руководства работники компании ценили, но и руководство, не смотря на финансовые издержки, не оставалось в накладе. Новогодние каникулы плодотворно влияли на рабочую обстановку в большом творческом коллективе. С каникул люди возвращались посвежевшими, отдохнувшими, с проветренными мозгами и новыми идеями, а главное у них хватало сил, чтобы дотянуть до летних полноценных отпусков. К тому же, подобную заботу о сотрудниках компания могла себе позволить. Рекламное агентство в год своего десятилетия к началу декабря только белыми деньгами принесло около пятисот тысяч долларов прибыли, и это при том, что еще не все выполненные заказы были оплачены, а вместе с черными прибыль должна была составить почти два миллиона зеленых. Это был рекорд за десятилетнее существование «МИФа». Именно так, десять лет назад Мелехов и Фелюрин назвали свое детище. Точнее, сначала агентство называлось «Мелехов и Фелюрин», а в процессе работы, с легкой руки коллег по творческому цеху и клиентов, название подсократили, и агентство стало известно как «МИФ». Реклама, по сути, и есть миф. Не смотря на колоссальный опыт, знание российской действительности, и досконально изученные всевозможные зарубежные рекламные технологии ни Владимир Петрович Мелехов, ни Александр Викторович Фелюрин не могли ответить на вопрос, почему одни рекламные ролики выстреливают, а другие нет. Почему некоторые плохие товары удается продвинуть на рынке, а у хороших и качественных товаров повысить объемы продаж не удается даже с нескольких заходов, после собственных, «мифовских» маркетинговых исследований, с подключением федеральных телевизионных каналов и с бешеными растраченными рекламными бюджетами в несколько миллионов долларов. Почему одни кандидаты, которых обслуживал «МИФ» выборы выигрывают, а другие, которых тоже обслуживал «МИФ» и лез из кожи, чтобы кандидат победил, проигрывают.

– Загадочна русская душа, – философски говорил в подобных случаях Мелехов, но по большому счету он и не пытался вникать, почему и за счет чего удается продвинуть кандидата или товар на рынок. Получилось это или нет, в любом случае на счетах «МИФа» оседали солидные суммы.

Победа на губернаторских выборах, до тех пор пока губернаторов выбирали, а не назначали, в любой из областей необъятной России счастливому победителю вставала в шесть-семь миллионов долларов «черными». Еще пару миллионов «зеленых» тратили на московских политтехнологов его проигравшие соперники и претенденты на губернаторское кресло, ибо «МИФ» не стеснялся, тщательно это скрывая, работать сразу на несколько кандидатов, то есть на конкурентов. Примерно два миллиона долларов нужно было отслонявить кандидату, чтобы получить пост мэра более-менее крупного города. Столько же приходилось выложить на предвыборную борьбу желающим оказаться в Госдуме. Естественно, такие огромные бабки, а точнее часть от этих сказочных денежных потоков, так как приходилось делиться с телевидением, газетами, радиостанциями, рекламными и модельными агентствами, артистами, режиссерами и еще бог знает с кем, «МИФ» и прочие акулы рекламного бизнеса могли заработать только в том случае, если за будущим народным избранником куда-либо никогда не было никаких реальных дел, побед и достижений. Люди достойные, уважаемые, с заслугами и чистой совестью, без приводов, ходок и трений с законом и налоговыми органами, побеждали и избирались куда как с меньшими деньгами. За предвыборные компании в городские и областные советы в российских глубинках «МИФ» и ему подобные киты даже не брались. Доморощенной политикой занимались местные небольшие компании, агентства и пиаргруппы. «МИФу» хватало работы и без «местных органов самоуправления». Исключение составляла столица. «МИФ» участвовал во всех московских выдвижениях, ибо иметь своего человека даже в столичном «горсовете» – это дорогого стоило. Причем с московской политической элитой «МИФ» работал за символические деньги в расчете на то, что когда-то и Мелехову с Фелюриным может понадобится помощь сильных мира сего. Жизнь ведь сложная штука и деньги решают далеко не все проблемы, к тому же в Москве иные знакомства дороже всяких денег, а если к этому добавить, что «московская» политика мало чем отличается от «кремлевской», да и персонажи там фигурируют одни и те же, короче на Москве «МИФ» отношения строил и дела вел совсем не так как со всей Россией.

Когда десять лет назад, в середине девяностых Владимир Мелехов и Александр Фелюрин официально оформляли свое рекламное агентство и получили печать, на такой финансовый успех они, конечно же, не рассчитывали. Более того, даже когда «МИФ» стал приносить серьезные, а порой баснословные деньги, Фелюрин в силу своего прагматизма и скептицизма ни на миг не сомневался, что это все вот-вот закончится.

– Такая пруха постоянно быть не может, – с еле уловимыми нотками истерики в голосе и со вздохами безысходности время от времени заявлял Фелюрин. Но каждый раз его отчаянье переходило в борьбу и заканчивалось эйфорией. – Ну, и пусть все рухнет. Зато сейчас-то прет! – победоносно заявлял он во всеуслышанье и паникерские настроения в его голове и голосе растворялись еще на стадии зарождения. При этом, правда, к тому, что все вот-вот закончится, он был готов каждую секунду, и будучи пессимистом с большим жизненным опытом, успехам он особо не радовался, а к неудачам относился как к должному и во всех ситуациях, где был хоть малейший намек на проблему, Фелюрин спокойно констатировал: «Это начало конца!»

– Истеричка ты, Саня, – с отеческой улыбкой, хотя и был на пять лет моложе, по-дружески, говорил ему в таких случаях толстый добряк Мелехов и успокаивал, – Прорвемся, Санек. Мы и не так попадали.

Вообще, Мелехов ко всему происходящему в его жизни относился спокойно и на все, словно буддийский монах, смотрел сквозь призму только ему одному понятной философии, из-за чего Фелюрин искренне считал, что у Мелехова, просто катастрофически заниженная оценка степени опасности.

– Зато у тебя она завышенная, – всегда потешался над худым, строгим, педантичным, циничным и со всех сторон зажатым жизнью Фелюриным, добродушный, никогда не унывающий, всегда в прекрасном настроении толстяк Мелехов.

– Жизнь – это река, – считал он, – Которая несет и от тебя ничего не зависит. Всё, чему суждено случиться, обязательно случится. Так стоит ли расстраиваться из-за неудач и потерь, стоит ли фанатично, многократно, без усталости штурмовать непреодолимые высоты и пытаться пробить лбом неприступные стены. Если суждено тебе победить – победишь, а если нет, так и незачем упираться. Ну, если только разок, для успокоения нервов. Жизнь коротка, нужно просто жить и нести по течению.

Тертый калач и битый жизнью Фелюрин считал наоборот.

– Человек творец своей судьбы. Жизнь борьба, – утверждал он, – Дисциплиной, методичным и системным подходом можно оградить себя от многих случайностей, неприятностей и поражений. Поэтому все нужно делать вовремя и делать то, что положено и важно именно сейчас.

Возможно, потому, что они были такие разные и по-разному смотрели на жизнь и окружающий их мир, а может по каким-то другим причинам, таким же мало объяснимым как неожиданный эффект от, казалось бы, проваленной рекламной компании, но «МИФ» стал одним из лучших рекламных агентств в стране, а в производстве видеороликов, клипов и рекламных фильмов настоящим законодателем мод, и самой продвинутой российской студией продакшн.

С самого начала студия, а затем и агентство, держалось на организационных способностях Фелюрина и неиссякаемом таланте Мелехова. Фелюрин следил за производством, выполнением заказов, отвечал за все административные вопросы, начиная от подбора специалистов, заканчивая бухгалтерией, ремонтом офисов, павильонов, автомобилей и компьютеров. Лично проводил все кастинги актеров и моделей, а «МИФовская» банда администраторов, которую собрал и всему научил Фелюрин, могла, если нужно было для дела, привезти в снежную Сибирь стадо африканских слонов, могла уговорить и снять в ролике настоящего индийского раджу в его замке с рабами и гаремом, если нужно было, могла забить целый стадион статистами для массовой, если нужно было, могла собрать две тысячи беременных женщин в одном месте и если бы кто-то захотел снять кино о глобальном потеплении климата и для этого нужно было бы растопить в кадре айсберг – они устроили бы и это.

Творческую часть обеспечивал Мелехов. Все идеи шли от него и по большому счету вся мощь и сила «МИФа» на рекламном рынке держалась на светлой голове Мелехова. Мелехов был гений, причем всеми признанный. У него были все шансы стать большим режиссером, снимать полнометражное кино и развивать отечественную киноиндустрию, но с кино, как-то не сложилось. Будучи самым талантливым на курсе, а может и на всем режиссерском факультете, он спокойно бросил ВГИК и недоучкой, за копейки ушел работать на телевидение.

– Я свои университеты закончил, – заявил он своему мастеру, который пытался его уговорить окончить институт, – В кино мне почти все известно, – с большой долей самоиронии говорил Мелехов.

И действительно, о кино он знал если не все, то многое. С детских лет, он был помешан на кинематографе. Знал почти все биографии, призы и заслуги известных и именитых актеров и режиссеров, с ходу мог назвать, кто в каких фильмах снимался и кто был их автором, как отче наш знал все мировые киношедевры и без ошибки мог определить по нескольким кадрам фильма, является ли картина искусством или очередная добротная голливудская залепуха рассчитанная на миллионные сборы по всему миру. На предварительный конкурс в институт кинематографии еще не получив школьного аттестата, Мелехов принес два готовых сценария и с десяток сценарных заявок.

– Может вам лучше поступить на сценарный факультет? – удивились преподаватели режиссерского факультета.

– Нет, я буду режиссером, – сказал Вова Мелехов и, сдав школьные экзамены, через месяц поступил на режиссуру игрового кино.

За всю историю ВГИКА, студентов, поступивших в институт кинематографии на режиссерский или сценарный факультеты сразу после школы можно было пересчитать на пальцах. Те, кого зачисляли на режиссуру игрового кино в семнадцать лет, были или гениями или детьми известных родителей. Вова Мелехов был гений. Всю глубину и силу своего таланта он продемонстрировал на третьем курсе. В конце года он должен был сдать курсовую работу в виде небольшого фильма. В мастерской игрового, а в народе больше известного как художественного кино, преподаватели ожидали от него маленького шедевра, настолько был интересен сценарий и методы, которые Мелехов использовал в съемке эпизодов и при монтаже отдельных кусков своей короткометражки. Когда часть эпизодов была уже готова, вдруг выяснилось, что из учебной монтажной студии имени Горького пропали несколько банок пленки с отснятым и проявленным материалом. У любого другого от такого внезапного удара опустились бы руки, но Мелехов, узнав неприятную новость, негромко поматерился, а затем, со свойственным ему спокойствием, переписал сценарий, кое-что доснял, взял некоторые планы из своих предыдущих работ, перемонтировал и переозвучил уже готовые куски и к положенному сроку успел таки сдать свою курсовую работу. Когда в просмотровом ВГИКовском зале состоялась премьера Мелеховской короткометражки, ему аплодировали и сокурсники и преподаватели, а чуть позже фильм Мелехова собрал призы и стал победителем нескольких молодежных, включая и международные, кинофестивалей. Все на перебой пророчили Мелехову путь в большое кино, но Вова сделал ход конем. Он бросил институт. Такого успеха от своей короткометражки он конечно же не ждал, но работа над ней ему прояснила ситуацию полностью: кино – это девяносто пять процентов здоровья и только пять процентов таланта. За внешним спокойствием Мелехова никто не видел сколько было проделано работы, сколько было потрачено нервов и сил, сколько было ненужной беготни, суеты, чужих истерик, страстей а главное, даже когда у тебя все уже в руке и тебя не подвел оператор и снял все как надо, и даже если актеры сыграли все как ты их просил и на проявке не заporоли и не пересветили твой материал, когда уже все зажато в твоём кулаке, и ты готов нанести решающий, сокрушительный удар... может пропасть банка с пленкой.

– Всю жизнь, я так не хочу, – решил для себя Мелехов и ушел на телевидение, где все было проще, никаких проявок, а любой эпизод можно было безболезненно переснять. К тому же, телевидение – это вялотекущая рутинная работа, где тебя не окружают «гении», которые при жизни были не поняты, а после смерти забыты, и никто не требует шедевров.

На телевидении Мелехов познакомился с Фелюриным. Фелюрин работал журналистом в «новостях» и иногда снимал большие репортажи для различных программ. Мелехов по началу был ассистентом, а затем и режиссером в одной из останкинских монтажных и частенько «клеил» репортажи, сюжеты и зарисовки Фелюрина. Мелехову нравился худой, всегда собранный, строгий, аккуратный, педантичный, циничный очкарик Фелюрин. Работать с ним было легко и приятно. Он всегда знал на какой секунде у него интервью начнется, а на какой закончится. Он никогда не опаздывал на утренние монтажи по выходным. Если Фелюрин заходил в монтажку и говорил, что мы сейчас по быстрому заклеим сюжетик, это означало, что на всю работу уйдет не больше пятнадцати минут, но это не значило, что сюжет будет сделан плохо. Было еще одно важное качество у Фелюрина, он не пил. Он любил выпить, но запои, опоздания и прогулы на почве «бодуна» никогда себе не позволял. Плюс ко всему, Александр Фелюрин был рабочей лошадкой и снимал больше всех своих коллег. Выезжая на очередной пожар, аварию, премьеру, футбольный матч или прочее запланированное мероприятие, он на обратном пути или по дороге на основное место события снимал материал для своих будущих больших

репортажей, делал досъемки, записывал интервью и собирал информацию. У него всегда все было по плану. С утра Фелюрин знал, как у него будет распisan день, и какой объем работ он должен проделать. Даже московские пробки не вносили хаоса в его работу, ибо он их учитывал. На монтаж, к радости режиссеров, Фелюрин приходил всегда подготовленный, четко зная, где у него будут какие планы и в какой последовательности пойдут эпизоды. Не смотря на то, что как журналист Фелюрин писал средненькие тексты и особо не блистал, его все равно все уважали. Уважали в первую очередь за его собранность, мобильность, ну и конечно за, то, что он снимал и работал больше всех. Фелюрин был классический второй номер, пахарь, человек, который звезд с неба не хватал, но все, что ему доверяли, он делал хорошо и вовремя. Закончив с отличием литературный институт имени Горького, писателем Фелюрин так и не стал. Надо было кормить семью, нужно было зарабатывать деньги, надо было как-то жить. Сначала Фелюрин направил свои стопы в газету, его с удовольствием взяли, но платили мало, и он быстро ушел. Затем было мытарство по различным редакциям в «Останкино» и спустя только несколько лет, он сумел заработать себе какое-никакое имя в телевизионных кругах и частично решить финансовые проблемы своей семьи, но денег по-прежнему не хватало. Однажды, на съемках одной из бесконечных пресс-конференций в мэрии к Фелюрину подошел какой-то человек в хорошем костюме и предложил за деньги снять юбилей и проводы на пенсию одного из высокопоставленных чиновников городской управы. Фелюрин тут же накоротке поговорил со своим оператором и сходу согласился, к тому же за работу предлагали пятьсот долларов, по тем временам сумму для Фелюрина астрономическую. Когда юбилей, проходивший с размахом в шикарном ресторане, был отснят, к Фелюрину подошел тот же человек, в конверте вручил оговоренный гонорар и предложил еще столько же, если Фелюрин из отснятого материала смонтирует небольшой фильм.

– Пусть старик порадуетя.

Естественно Фелюрин не отказался и следующей же ночью в монтажке в «Останкино» с Мелеховым они смонтировали такое кино, что, помимо пятисот долларов причитающихся за монтаж, Фелюрину выдали еще двести долларов премии. Фелюрин был человек порядочный, справедливый и дисциплинированный, а потому тысячу двести долларов он разделил на три равные части, заплатив оператору и Мелехову по четыреста баксов. Охранникам, закрывшим глаза на ночной монтаж, Фелюрин хлебосольно выставил несколько бутылок водки и дал денег на закуску.

Тот судьбоносный юбилей какого-то вице-мэра, которого Фелюрин ни до, ни после больше ни разу не видел, еще тогда заронил в нем идею создать свою конторку по производству видеопродукции.

– А, что, – говорил Фелюрин Мелехову на монтаже своего очередного репортажа, – Юбилей, свадьбы, прочие памятные события...

– Похороны, – вставил Мелехов.

– ...Да ну, тебя. Я ведь дело говорю. Прикинь, сколько на этом можно будет накопить!?

– Ну, да, серьезный бизнес, – толи, шутя, толи всерьез соглашался Мелехов, продолжая монтировать сюжет.

– Да нет, ну ты подумай. Монтажная аппаратура у нас доступна каждую ночь, операторы работать внеурочно за бабки, тоже согласны. Дело встало только за клиентами, – воодушевленно распался Фелюрин.

Заработанные четыреста долларов были ощутимым подспорьем в его тяжелой, плохообустроенной жизни с двумя детьми, женой и тещей, живущих практически на одну его зарплату в двухкомнатной квартирке на окраине Москвы.

– Так, это ж самое главное. Один клиент на тебя свалился, а ты уж и размечтался. К тому же если начальство пронюхает про наши калымы, вылетим с работы в пять минут, – отрезвляюще, предположил другой сюжет развития событий Мелехов.

– Не вылетим. Знаешь, Вова, мне надоело жить в нищете, мне надоела эта постоянная гонка за новостями, все время куда-то еду, все время куда-то спешу, что-то снимаю, суечусь. Надоело. Я думаю это реальный шанс. Не все здесь так просто, но тема перспективная.

– Перспективная, – согласился Мелехов, но всерьез слова Фелюрина не воспринял.

Фелюрин же наоборот, идеей своей студии, а на первых порах, некоего подобия студии с халявным использованием аппаратуры останкинского телецентра, если не бредил, то думал об этом постоянно. Работая журналистом и продолжая снимать больше всех репортажей, Фелюрин время от времени притаскивал Мелехову свадьбы, юбилеи, семейные праздники, банкеты, презентации, корпоративные пьянки и выезды на отдых различных фирм. Мелехов – это все монтировал, с музыкой, репликами героев застолий и презентаций, наворачивал туда спецэффекты, титры, экспериментировал с изображением, ускоряя или замедляя его, или делая черно-белым, стилизуя под хронику, и дошло до того, что Мелехов начал калымить не только по вечерам и глубокой ночью, но и во время рабочего дня, когда выдавалась свободная минутка, так много работы приносил ему Фелюрин, а на вопрос редакторов и администраторов: «Чем это он занят?», Мелехов, не моргнув глазом, отвечал: «Изучаю возможности аппаратуры».

Свадьбы и презентации делались практически уже по накатанному сценарию. За те месяцы работы с Фелюриным у Мелехова уже были наработаны такие заготовки и схемы, что даже из самого бездарного съемочного материала, снятого пьяным оператором на маленькую любительскую камеру, где все летало и тряслось, он мог сваять настоящий шедевр. Свадьбы и юбилеи настолько поправили финансовое состояние Мелехова, что ему удалось съехать от родителей и снять отдельную квартиру, полностью поменять свой гардероб, а главное решить вопрос с армией. За две тысячи долларов, которые он откладывал несколько месяцев, военком, старый пропитый полковник с сильным голосом, лично поставил ему штамп «не годен» в военном билете и с пожеланиями «всего хорошего» проводил до дверей военкомата.

– Жизнь удалась! – решил Мелехов и в прекрасном настроении пришел на работу.

Его уже поджидал Фелюрин. Ему нужно было ехать на съемку, и он почти опаздывал, но он покорно ждал Мелехова.

– Вова, очень надо поговорить. Причем поговорить надо быстро, я опаздываю, – сказал Фелюрин, заходя, вместе с Мелеховым в монтажную.

– Что-то случилось? Или наши скромные заслуги оценила американская киноакадемия? Думаешь, нам придется ехать за Оскаром? – под впечатлением удачно проведенной операции «В армию не ногой», не обращая внимания на серьезность и настойчивость Фелюрина, шутил Мелехов.

– Ценю юмор, – непроницаемо сказал Фелюрин и закрыл за собой дверь монтажной, – Вова, – продолжил он, – нам предлагают сделать рекламный ролик для вневедомственной охраны.

– Это этим, которые квартиры охраняют?

– Именно.

– И, что? – удивленно спросил Мелехов, не понимая серьезности и трагичности Фелюрина, – Ты, поэтому такой напряженный?

– Поэтому. Я должен дать ответ после обеда. За работу предлагают три штуки баксов, но нужно, чтобы все было с хрустом. Они хотят с актерами, спецэффектами, мигалками, погонями...

– А хронометраж? – перебил Мелехов.

– Тридцать секунд.

– И в тридцать секунд они хотят все это навернуть?

– Нет, они ни на чем не настаивают, просто все должно быть добротное.

– Понятно, – со вздохом сказал Мелехов и несколько секунд подумал, – То, что они хотят, за эти деньги не возможно, но... Ты, вот что, – после небольшой паузы добавил он, – Ты езжай на свои съемки, а я тут прикину, как мы все это сможем сделать, если сможем конечно.

– А, что тебя волнует? – насторожился Фелюрин.

– Видишь, это ведь не свадьбу ломануть за ночь. Это уже почти взрослая работа. Возможно, нужно будет брать аппаратуру в аренду, нанимать людей, у нас ведь и своя работа есть, за которую нам деньги платят.

– Да, я сам об этом всю ночь думал. Но три штуки баксов – это три штуки баксов. Я думаю нужно рискнуть. К тому же, все снимать можно в выходной, я все подготовлю, запишу в график съемку на воскресенье или на субботу, ну, смотря, когда у нас все будет готово. Все утрясу с редактором. Договорюсь с ментами, чтобы они обеспечили личный состав и все необходимое для съемок. С операторами у нас все отлично, ребята ручные, поедут со мной хоть когда. Ты главное реши, что в ролике должно быть, а как это сделать – это уже моя забота, – морщась, сказал Фелюрин, понимая всю сложность предстоящего проекта.

– Ладно, Саша. Ты езжай, а к обеду я тебе что-нибудь предложу и скажу уже более конкретно.

– Лады, – все так же без особого энтузиазма сказал Фелюрин и понесся снимать свои бесконечные пресс-конференции, заседания, собрания, открытия, закрытия, аварии, пожары, акции, кульминации и прочую возню, которую принято показывать по телевизору в вечерних выпусках новостей.

Когда Фелюрин уехал, Мелехов несколько минут посидел в раздумьях, а затем вышел из монтажной и направился напрямиком в архив.

В полвторого Фелюрин снова зашел в монтажную Мелехова. Мелехов сидел не один. Он монтировал заказной рекламный сюжет ведущей утреннего канала Светочки Кузнецовой о каких-то праздничных фейерверках. Светочка ему, что-то рассказывала, но когда зашел Фелюрин, замолчала.

– Здравствуй Света, отлично выглядишь. Вова, ну, что мне им сказать. Мы готовы взяться.

– Саш, подожди пять минут, мы сейчас уже закончим.

– Ты, скажи мне, мы беремся или нет?

– Саша, мы через пять минут закончим.

– Ты мне можешь просто сказать, да или нет, – завелся Фелюрин, разозлившись на ничем необъяснимую упертость Мелехова.

– Да, – раздраженно сказал Мелехов, – Но никуда не ходи и не звони. Подожди пять минут. Я должен тебе кое-что показать.

– Ты бы так и сказал, – успокоился Фелюрин, – Я пойду себе чаю сделаю, тебе принести?

– Нет, спасибо, – смягчившись, поблагодарил Мелехов и вернулся к фейерверкам.

Фелюрин вышел, и Светочка снова что-то зашебетала своим приятным голоском. Вместо пяти минут, в монтажной у Мелехова, словно на зло Фелюрину, она провела еще все двадцать.

Еле дождавшись, когда Мелехов закончит со Светочкой, Фелюрин наконец-то вошел в монтажную.

– Ну, что ты мне хотел показать? – снова раздраженно спросил Фелюрин.

– Саня, ты, когда уехал, – спокойно начал Мелехов, – Я подумал, что всяких разных рейдов, инспекций, ментов, мигалок, сломанных замков, дверей, разбомбленных квартир, взломанных гаражей и прочего у нас столько снято, что я пошел в архив, набрал стопку кассет с самыми колоритными планами, взял фонограмму ревущей милицейской сирены, все это смонтировал, подложил музыку пронзительную, короче вот, что из этого получилось, – сказал Мелехов и запустил в мониторе ролик для демонстрации.

Пока Фелюрин смотрел, Мелехов ему тут же комментировал.

– Вот здесь музыку сделаем погромче, тревожную такую, шемящую, чтоб до самой печени пронимало, здесь попросим прочесть кого-нибудь из наших дикторов, что-нибудь типа: «Уют и комфорт создаются годами, а для того, чтобы его разрушить, достаточно несколько минут. Не давайте шансов и этих минут грабителям, мы сможем защитить вас и ваше имущество!» Ну это все естественно на планах разбросанных вещей, тряпок на полу, завернутых на полкомнаты ковров, выломанных половых досок, развороченных ящичков письменных столов и пустых вскрытых сейфов, разбросанных бумаг, разбитой посуды, выбитых дверей, короче все кувырком, все на полу, полный бардак... А на финал вместо музыки погромче выведем милицейскую сирену и наложим титры – телефоны охраны или, что там они хотят. На финиш ролика можем подмонтировать ментов, там ломающих и скручивающих воришек или задерживающих кого-нибудь. Короче идея такая. Хронометраж можем сделать любой. Материала море. Предложи им сразу несколько роликов. Если идея понравится сделаем без вопросов.

– Ну, Вова... Ты мегамозг, ты просто гений, – восхищенно протянул Фелюрин.

– Я знаю, – согласился Мелехов, – А, главное, никуда не надо ехать. Все снято. Более того, на каждый ролик, можно предложить несколько монтажных вариантов. Отснятого материала несколько кассет, монтируй хоть целое кино. Кстати, ты и кино им предложи.

– Предложу, Вова. Обязательно предложу. Я им целый сериал предложу! – восторженно закричал Фелюрин.

– Парни? У вас тут все нормально? – спросила Светочка, снова зайдя в монтажную, – Я тут кассету забыла, – сказала она, объясняя свое неожиданное появление.

– Светочка! У нас все отлично! – вскочив со стула и подхватив ведущую на руки, радостно сказал Фелюрин, и, покружив ее на свободном пространстве в монтажной, поставил на пол и пулей вылетел вон из небольшой комнатки заставленной аппаратурой.

– Что это с ним? – удивилась Светочка.

Она давно привыкла к повышенному вниманию мужчин, но от худого и невзрачного очкарика Фелюрина, который за все время на ней даже толком и взгляда-то не задержал, подобного темперамента не ожидала.

– Да, узнал, что теща умерла, – спокойно объяснил Мелехов безумную радость Фелюрина.

– Какой ужас.

– Да, я шучу Светочка, не расстраивайся.

– Дурак, – сказала красивая дикторша, и, найдя свою кассету, окатив Мелехова холодным призрением, с гордым видом, цокая каблуками вышла из монтажной.

На следующий день, Фелюрин сидел в кабинете начальника городского управления вневедомственной охраны и в присутствии его замов излагал идеи предложенные Мелеховым. Для пущей убедительности, он привез с собой смонтированные «болванки» возможных видеороликов. Все идеи людям в пагонах понравились. Фелюрин и показанное видео произвели такое впечатление на милиционеров, что они с легкостью согласились на три ролика и получасовой фильм об одном из городских отделов вневедомственной охраны.

– О самом лучшем, – уточнил холеный полковник, – У них там и спортзал свой, и тир, баня, теплые гаражи, в здании евроремонт, ну, в общем, все по уму. А мужики, какие там работают. Коллектив, просто мировой. Семьями дружат, на рыбалки, на охоту, на отдых вместе ездят. Ну, ты сам все увидишь.

– Обязательно, – сказал Фелюрин еле сдерживая свое близкое к радостной истерике состояние. О таком исходе переговоров он даже не мечтал, а потому, Александр Викторович Фелюрин не стал быковать и заламывать заоблачные цены, к тому же ему самому понравились офицеры, а особенно то, как по деловому они разговаривали и вели с ним беседу, и как результат, весь заказ Фелюрин благородно оценил в десять тысяч долларов.

– Но пятьдесят процентов предоплаты, – сказал Фелюрин, чтобы подстраховаться и заодно окупить свое благородство.

– Да, ничто не укрепляет так веру в человека, как предоплата, – понимающе сказал начальник, – Что ж, будет тебе предоплата, завтра с утра заезжай к нам в бухгалтерию, я все распоряжения дам.

Фелюрин до утра не сомкнул глаз. Он ждал, что обязательно, что-нибудь случится или произойдет что-нибудь невероятное, но он не получит никакой предоплаты и никакого заказа не будет. Перед ним утром извиняться, пожелают удачи и все кончиться ничем. А ведь он уже решил, куда он потратит заработанные деньги, уже сообщил радостную новость о грандиозном заказе Мелехову, Мелехов уже во всю, наверное, монтирует, уже, наверняка договорился с дикторами и записал все фонограммы, а самое главное, заказ этот – полная халява. Никаких съемок, все снято, ну если только придется пару раз заехать в их лучший райотдел, чтобы для фильма поснимать службу и будни, их баню и тир, если уж они так хотят, да записать с десятков интервью у офицеров и рядовых инспекторов лучшего московского отдела вневедомственной охраны. Съемок максимум на пару дней, монтажа может на неделю и за все это – десять тысяч долларов!

– Так повезти нам не может, – сокрушался Фелюрин, но все получилось.

В бухгалтерии городского управления ему без проблем выдали деньги. Мелехов смонтировал три хороших ролика. Досъемки для фильма Фелюрину удалось сделать за одну сублиботу, по счастливой случайности, старшие офицеры лучшего столичного отдела, включая его начальника, в тот выходной, утром уезжали на рыбалку и их место сбора было рядом с работой, поэтому в предвкушении приключений и отличного отдыха, они все дали хорошие интервью и с помощью волшебника Мелехова на их высказываниях и суждениях, о работе, о жизни, о рыбалке, о коллективе, о дружбе, о долге и прочих серьезных вещах был построен и сделан отличный фильм.

На «премьеру» роликов и фильма под названием «Рецепт успеха» собрался весь личный состав городского управления и, конечно же, те, кому посвящался фильм. Фелюрин слегка волновался, не смотря на то, что был уверен в превосходном качестве сляпанного кино. Вещая каждый день с голубых экранов для миллионов телезрителей он никогда не видел своих зрителей в процессе просмотра. А тут, предстояло видеть результаты своей работы сразу, прямо не отходя от кассы, по эмоциям, глазам, улыбкам и взглядам тех, для кого этот фильм делался.

Ролики промелькнули практически незамеченными, реклама, она и есть реклама, а вот когда начался фильм, то с первых же эпизодов Фелюрин понял, что все будет отлично. Люди, которые говорили с экрана и наблюдали за собой со стороны, улыбались счастливыми улыбками, а это первый признак того, что сдача фильма пройдет успешно.

К удивлению Фелюрина, после первого просмотра, фильм сразу перемотали на начало и запустили поновой. Позже Фелюрин выяснил, что если тут же, без дебатов, споров и разбора фильм или ролик просят показать еще раз, то это значит, что заказчик доволен, и проект можно считать завершенным. А вот если сразу начинают спорить и высказывать претензии, то это значит, что придется еще повозиться и перемонтировать какой-нибудь ролик или фильм еще не раз и не два. Тогда всего этого Фелюрин еще не знал, и все повторные полчаса стоял и волновался.

«Вдруг не понравится? А деньги-то уже потрачены».

Но Фелюрин зря переживал и прикидывал, как они будут возвращать деньги, если заказ провалится. Фильм всем очень понравился, а начальник городского управления вневедомственной охраны, когда из рук Фелюрина получал несколько кассет с копиями фильма, удовлетворенно поблагодарил.

– Вот за такую работу, не грех и заплатить. Спасибо Александр, мы очень довольны. Представляю, как мы удивим наших отцов-командиров в Главке.

– Отлично, – робко сказал Фелюрин, не рассчитывавший на такой эффект, – А как на счет оставшейся оплаты?

– Не переживай, в бухгалтерии деньги уже подготовлены. Спускайся и забирай. Нам приятно было с тобой работать, мы получили массу удовольствия и от съемок и от просмотра, поэтому всех твоих ребят, кто над фильмом работал, мы приглашаем в баню, в тот самый оздоровительный центр, который вы снимали. Попаримся, выпьем, посидим, поэтому, как своих соберешь и организуешь, милости просим.

– Спасибо, – поблагодарил за приглашение Фелюрин и довольный фантастическим исходом дела, на котором удалось заработать баснословные бабки, он пошел в бухгалтерию, чтобы забрать оставшиеся пять тысяч долларов.

Теперь он знал точно, что на телевидении его дни сочтены, как они сочтены для Мелехова и еще нескольких талантливых молодых ребят, которые студентами пришли на телевидение, удержались там, заматерели, превратились в первоклассных специалистов и все это время работали за копейки на дядю. Теперь они все будут работать на себя, а дяде, спасибо, за то, что он их всему научил и дал возможность заработать первые серьезные деньги на своей аппаратуре.

Фелюрин с толстым тугим бумажным свертком в своей сумке спешил к Мелехову, чтобы скорее поделиться с ним деньгами, своими конкретными идеями о создании собственной студии и быстрее начать новую жизнь.

Как обычно Мелехов все выслушал спокойно и не очень обрадовался деньгам. Он к ним уже привык. Увольняться в одночасье с телевидения он тоже не захотел.

– Саша, кому-то нужно оставаться пока здесь, – здраво рассуждал Мелехов, – По крайней мере, до тех пор, пока мы не купили свою аппаратуру. К тому же, нам всегда нужен будет доступ в архив. Видишь, как с ментами здорово получилось. А, ты прикинь, если бы нам это все пришлось полностью снимать, да мы бы этот заказ три месяца бы выполняли, и не известно чем бы все кончилось. Перед тем как уйти, нужно оставить своих людей здесь. Приплачивать им, что-нибудь, денег подкидывать, чтобы они в любой момент для нас вынесли любые архивные кассеты, а затем так же их незаметно вернули.

– Все правильно, Вова. Свои люди нам здесь нужны. Я не настаиваю, чтобы ты уходил сразу вместе со мной, но я уйду в ближайшее время. Начну все готовить, оформлять документы, а ты пока работай. К тому же свадьбы и прочие мелкие заказы лучше колбасить пока здесь. Деньги для поддержания штанов нам все равно будут нужны. Нельзя все резко обрывать. Пока там с нашей студией все утрясется и заработает, – с улыбкой сказал Фелюрин, осознавая всю грандиозность предстоящего дела и ни на миг, не сомневаясь в его успехе.

– Конечно, кушать то хочется всегда, – согласился Мелехов, – Ты уже думал, кого еще мы с собой с телевидения дерним.

– Я думаю к нам в команду со временем пригласить операторов Пашку Седельникова и Гришу Рогожина. Звучача Петю Арсеньева. Они молодые, талантливые, очень трудолюбивые, дисциплинированные, мне с ними работать очень нравилось.

– Да, Петька Арсеньев очень хороший, наверное, лучший звучач в «Останкино», – снова согласился с Фелюриным Мелехов, – Он же не только на телевидении, он и с артистами работает, для кого-то даже музыку пишет, вообще, парень талант. Ну, а Рогожин с Седельниковым – даже не обсуждается, парни просто красавцы. После них брака почти не бывает, любой план можно использовать, никогда ничего не дрожит, не трясется, все в резкости, не пересвечено, все всегда снято, продублировано, всегда все есть и общаки, и детальки, и панорамы и статика, лепи не хочу. Да и в кадре у них всегда все в порядке, свои идеи, своя драматургия. Я даже не раз думал, что надо же, такие специалисты и вынуждены снимать залепушные новости по пять-шесть сюжетов каждый день.

– Ничего, теперь мы все будем заниматься делом. Настоящим делом. Наладим бизнес, со временем наберем молодежь, обучим, научим, а потом они будут бабки ковать, а мы летать по всему миру, снимать кино и побеждать на кинофестивалях, – обозначил свои приоритеты и задачи максимум Фелюрин.

– То есть деньги не самоцель? – иронично спросил Мелехов.

– Знаешь, их хотелось бы заработать, надоела эта нищета, но было бы неплохо и что-то значимое сделать. Есть такая байка, – сказал Фелюрин и, сделав паузу, продолжил, – Как-то к Шекспиру пришел юноша, молодой поэт и спросил: «Я хочу стать Шекспиром, таким же великим поэтом и драматургом как вы, что мне для этого нужно?» Шекспир ему ответил: «Я хотел стать Богом, а стал Шекспиром». Поэтому Вова, нам сразу необходимо настраиваться на большие дела, а иначе и не стоит дергаться и пытаться что-то менять в своей жалкой жизни.

– Да, ты философ, – удивился Мелехов.

– Я гений. Не такой конечно как ты, но кое в чем, я любого умою, – уверенно и очень спокойно сказал Фелюрин.

– Это точно, – авторитетно подтвердил Мелехов, – Только нас с тобой и двух операторов маловато будет. Написать любой сценарий, придумать кучу идей, запудрить мозги заказчику, снять, слепить, склеить, мы сможем все, что угодно. Суть не в этом. Главное, что бы кто-то подтягивал нам заказы, нужно, чтобы кто-то нас самих рекламировал и продвигал. Мы пытаемся залезть в серьезный бизнес. Нам как минимум понадобится собственный полнокровный рекламный отдел и штатные менеджеры, которые будут рыскать, и приносить нам в зубах заказы. Нам нужно будет закупить как минимум два комплекта съемочной, осветительной и монтажной аппаратуры. Нам нужно будет снять офис, чтобы солидные клиенты могли к нам приехать, и мы могли их достойно встретить и развести. Придется купить пару машин, одну на съемки выезжать, какой-нибудь микроавтобус, а другую – представительского класса, чтобы на встречи ездить и на переговоры. У нас ведь принято по одежке встречать.

– Ты все говоришь правильно. Я тоже обо всем этом думаю уже не первый месяц. По моим подсчетам денег нужно будет, чтобы начать работать и стрельнуть на рынке, заявить о себе то беж, не больше двухсот тысяч долларов. У меня есть пока только десять. Я думаю взять кредит. А, что касается рекламного отдела, богатого офиса и дорогого автомобиля, то нам они нужны не сразу. Начнем, а там посмотрим. Одно я знаю точно – реклама двигатель торговли, а торговля двигатель прогресса, поэтому рекламный бизнес будет прибыльный всегда, главное правильно в него зайти и занять свое место.

– Место под солнцем, – задумчиво, сказал Мелехов, – Только я думаю кредит не очень хорошая идея. Рискованно. Да и подо что его брать? Под свои здоровые почки?

Фелюрину действительно не под что было взять кредит. Его старенькая разбитая хрущевка на окраине Москвы едва ли потянула бы на десять процентов от необходимой суммы, но Фелюрин не был бы Фелюриным, если бы не мог достать чего-нибудь из-под воды, земли или еще Бог знает откуда. Он нашел поручителей, взял кредит в банке, очень тепло простился со всеми на телевидении, и пошло поехало. Сначала он снял офис из двух небольших помещений и нанял машину с водителем. В офисе в одну комнату он поставил аппаратуру, а другую обставил под переговорную, бухгалтерию и рекламный отдел. Все административные и финансовые должности он занимал единолично, но понимал, что это пока и со временем, нужно будет набирать штат и создавать полноценную фирму с большими помещениями, секретарями, приемными, бухгалтерами, юристами, менеджерами всех мастей, а главное предстояло собрать костяк студии, генератор идей, непосредственных творцов и исполнителей различных заказов: сценаристов, режиссеров, фотографов, художников, дизайнеров, композиторов, операторов и осветителей. Фелюрин не планировал заниматься только производством фильмов и видеороликов. С самого начала он мечтал о большом рекламном агентстве полного цикла, которому

будет под силу разработать и выполнить акцию любого масштаба, будь то презентация или торжественная церемония открытия Олимпийских игр.

Первые два года ушли на борьбу и выживание. Агентство «Мелехов и Фелюрин» динамично развивалось, но при этом деньги в основном только тратило. Все, что зарабатывали, уходило на аренду помещений, зарплаты сотрудников и погашение кредита. Денег катастрофически не хватало. Мелехов вернулся к родителям, а семья Фелюрина снова перешла на хлеб и воду. Но Фелюрин свято верил, что терпеть осталось уже не долго. Верил и Мелехов, но подобный энтузиазм был не у всех, кого Фелюрин переманил с телевидения, газет и небольших рекламных компаний. Несколько человек из тех, на кого Фелюрин особенно рассчитывал, после года мизерных зарплат, да и тех с задержками, извинились и ушли. Фелюрин никого не удерживал и не уговаривал. Он знал, что вот-вот агентство встанет на ноги и тогда он сможет платить нормальные зарплаты и гонорары, а значит и приглашать лучших специалистов, которые являются настоящими профессионалами своего дела.

– Я не осуждаю тех, кто от нас уходит, – сказал как-то Фелюрин Мелехову, – У людей семьи, дети, их надо кормить и содержать, а что мы им можем предложить кроме перспектив? Деньги от заказа до заказа.

– Ничего, все будет нормально. Зато в этой крайне сложной и нервной обстановке, мы реально видим, кто нам предан и верит в успех, а кто пришел по легкому бабки срубить.

Настоящий прорыв у рекламного агентства Мелехова и Фелюрина начался после четырех лет их тяжелейшего существования на рекламном рынке. Не смотря на то, что на компании по-прежнему висел долг по кредиту, они сумели заявить о себе в Москве и их агентству начали перепадать серьезные заказы. Причем заказы стали поступать не только из столицы, но и из различных городов необъятной России.

К пятому году своего существования детище Мелехова и Фелюрина подошло без долгов, с солидной репутацией и названием «МИФ». К этому времени мифовцы уже не хватались за все подряд. За пять лет у агентства появилось несколько постоянных клиентов: сотовая компания, сеть пивоваренных заводов, богатые нефтяники с севера, которые и обеспечивали им безбедное существование. За все остальные заказы и предложения Мелехов и Фелюрин брались только в том случае, если им это было интересно. Цена вопроса уже не имела для них никакого значения. Агентство с штатом в двести человек, с несколькими офисами, собственными съемочными павильонами, техникой и аппаратурой на рекламном рынке обосновалось очень крепко. Мелехов женился, у него родилась дочь Полина, с Фелюриным они купили себе двухэтажные квартиры в элитных новостройках и стали всерьез подумывать о загородных домах. Через два года сбылась и эта мечта, и они построили себе по особняку в Подмосковье, а «МИФ» впервые вышел на годовой оборот в несколько миллионов долларов. Еще через три года миллион составил чистую прибыль.

* * *

Как и планировал Фелюрин, все административные дела в «МИФе» он закончил до пятнадцатого декабря. Осталось проследить за последними платежами, которые должны были поступить на счета до конца года, и провести еще один раунд переговоров с крупным московским банком, который планировал продаться иностранцам, а для этого банку необходимо было резко увеличить количество своих вкладчиков в три-пять раз по всей стране, ибо бренд известного российского банка стоит одних денег, а бренд с агентской сетью филиалов и допфисов по всей стране с вкладчиками и клиентами уже совсем других. Поэтому в свой рекламный бюджет на следующий год банк заложил десять миллионов долларов и искал крупное агентство, которому мог бы доверить широкомасштабную рекламную компанию на всю Россию с подключением центральных телевизионных каналов и общенациональных печатных изданий. Первоначальные договоренности между «МИФом» и банком были достигнуты. Сначала банкиры хотели подписать контракт с агентством еще в ноябре, но потом «забуксовали» и решили

повременить. Фелюрин знал, что задержка происходит из-за конкурентов, и банкиры изучают другие предложения. На семнадцатое декабря был назначен контрольный звонок, который ничего не дал. Все было решено перенести на январь и Фелюрин, поняв, что этот заказ скорее всего для «МИФа» потерян, решил остаток года, как они с Мелеховым и планировали, посвятить отдыху.

Последнюю неделю уходящего года Фелюрин со своей секретаршей Людочкой и Мелехов с молодой актрисой Оксаной Поплавской провели на острове в Сиамском заливе. Красные от загара, пьяные и веселые, тридцатого декабря они вернулись в Москву, где вечером их ждал банкет и весь дружный коллектив «МИФа» в самом пафосном и дорогом клубе Москвы. Клубу агентство накануне сделало шикарный рекламный ролик и банкет – это был бартер, но суть от этого не менялась. Мифовцы отлично погуляли и под утро разъехались по домам. Новый год Мелехов с Фелюриным встречали в своих особняках на Николиной Горе с женами, детьми и родителями. В январе, вместо альпийского курорта Мелехов поехал в Рим, а Фелюрин, как и планировал, посетил самый модный на тот момент горнолыжный курорт французских Альп в Куршовеле.

Свой новый рабочий и финансовый год «МИФ» начал в понедельник пятнадцатого января. С утра в конторе были шум и оживление. Все делились своими впечатлениями от отдыха, хвастались, кто, где был, и какие приключения удалось пережить вместе со скромными и не очень туристами из России.

– Ну, как римские каникулы? – спросил Фелюрин, заходя в кабинет Мелехова.

– Привет, Саша, отлично, – сказал Мелехов и пожал руку компаньона.

– А, я тебе из Франции, прямо с гор, подарок привез, – интригуяще сообщил Фелюрин и загадочно посмотрел на Мелехова.

– Ну, так давай, не тяни, – сказал Мелехов и из тумбочки, взяв своими толстыми пальчиками, выставил на стол две рюмки.

– Догадливый ты мой, – обреченно сказал Фелюрин, – С тобой рядом, даже как-то жить не интересно, – добавил он и поставил рядом с рюмками бутылку дорогого коньяка.

– Серьезно, – одобрил выбор Фелюрина Мелехов и, покрутив бутылку в руках, открыл ее и начал разливать коньяк по рюмкам.

– Ну, за встречу, – присаживаясь, – сказал Фелюрин и не стесняясь раннего утра махнул первую стопку.

Мелехов последовал его примеру.

– Так как тебе Рим? – снова поинтересовался Фелюрин, налив себе еще коньяка и пересев в большое кресло мелеховского кабинета, приготовившись к большой и обстоятельной беседе.

Компаньоны давно не виделись, да и в агентстве никаких дел не было. По большому счету, людей в отпуск можно было отправить еще на две недели. Вся жизнь и работа в лучшем случае должны были начаться в начале февраля.

– Потрясающий город, – восхищенно сказал Мелехов и тоже налил себе коньяка, – Не зря его называют «вечным». Там каждая улочка старой части города пропитана вечностью, историей, культурой, чувствуются все вехи ее развития, начиная от античности, заканчивая средневековьем, возрождением, посвящением и так далее. Там все это осязаемо. Знаешь, это не объяснить, но это все можно почувствовать. В архитектуре, в атмосфере, в климате, в черноволосых, горбоносых, эмоциональных итальянцах, все это рождает неповторимый дух вечного города.

– Ты, всерьез так считаешь? – удивился Фелюрин.

– Конечно. К тому же мне есть, с чем сравнивать, я ведь был и в Праге, и в Париже, и в Мадриде, и в Лондоне, и в Берлине. У всех столиц старушки Европы есть свой образ, свой дух, неповторимая своеобразная красота, но еще в древности говорили, что все дороги ведут в Рим, и теперь я это понимаю.

– Ну, ясно, – без особого энтузиазма сказал Фелюрин и отпил из рюмки.

– А, ты как съездил?

– Я? – все так же без энтузиазма начал Фелюрин, – Ну, таких впечатлений, как у тебя, у меня конечно нет. С Натальей мы все время ссорились, дети отдыхали по своей, собственной программе, в общем, семейного отдыха не получилось.

– Да, ты что, старик!? Ты же в Альпах был. Это же одна из жемчужин мира, неужели тебя ничего там не порадовало и не удивило? – поразился Мелехов, такому несуразному рассказу Фелюрина о поездке на самый модный и дорогой европейский горнолыжный курорт.

– Нет, меня там ничего не удивило. Я же там и раньше бывал. Знаешь, у меня даже неприятный осадок от этого всего остался. Из русских, там отдыхали в основном те, кто постоянно мелькает в новостях, да завсегдатаи телевизионных шоу – губернаторы, депутаты, людишки из правительства, крупные бизнесмены, олигархи и, представляешь, все с тёлками с глянце-вых обложек, которые вдвое, втрое их моложе. Сучки их на понтах, в мехах, в золоте, в бриллиантах, кругом все пытаются показать кто круче, богаче, у кого больше свита. Их глупые тёлочки бездарно шутят, пытаются всем понравиться, наиграно смеются, улыбаются. А охранники! Их охранники, эти дибилы, так надменно на людей смотрят, как будто это они миллион-нами ворочают и целыми отраслями и регионами управляют, а не их боссы. Мне так противно все это стало. Народ в стране выживает, пол России в долгах мается, друг у друга занимают, с хлеба на воду перебиваются, еле-еле концы с концами сводят, а эти ожиревшие хряки, народные избранники, политическая и бизнес элита, чтоб их, ежедневно в Куршовеле тратили на себя по три-четыре тысячи евро. Я знаешь, в какой-то момент, даже коммунистам сочувствовать начал, а потом, когда уже улетали, представляешь, две русские бабы в самолете место для сумки на верхней полке не поделили и такое, там устроили, с матами, криками, дракой, иностранцы, просто в шоке были. И тут я подумал, ради кого идти на баррикады, ради кого бороться за справедливость? Ради этого быдла? Чтобы они жили в мощной и сытой России? Нет уж, эти твари заслуживают именно такого оккупационного правительства, зажавшихся депутатов, ворующих и жирующих чиновников. Короче, там, в Альпах коньяк и горный воздух мне мозги проветрили, и я понял, России больше нет. Надо как все, заработать еще денег и отсюда валить. Страна разобщена, разворована, обескровлена, унижена, горстка людей ее терзает, творит все, что хочет, а все потихоньку живут, преследуя свои маленькие интересы: накопить на холодильник, купить новую машину, построить дачу. Страна гибнет, культура гибнет, чечены в Москве дома взрывают, заложников захватывают, а никаких мер, никто не шевелится, всех, все устраивает.

– Ну, ты, Саня, даешь?! Ты, где был? Там в Альпах, что с тобой делали-то? – изумился Мелехов, не веря своим ушам, что все это говорит Фелюрин, – Или в тебе опять журналист и борец за правду проснулся?

– Гражданин, во мне, Вова, проснулся. Я понял самое главное. И я, и ты тоже участвуем в оболванивании страны. Мы рекламируем и протаскиваем на рынок плохие товары, а их потом покупает вся страна, наша страна, понимаешь, наш народ. Задумайся, кому мы помогали избираться или получить важные посты? Что не кандидат – или бандит, или казнокрад, или просто моральный урод. К сожалению, мы тоже причастны к тому бардаку, который творится в России, и к тем бедам, которые простые люди, а ведь среди них есть и очень достойные, безропотно и покорно терпят.

Фелюрин встал с кресла и продолжил свои рассуждения, расхаживая по кабинету.

– Мы, как и всё наше окружение, как пловцы, не поднимая головы из воды, молотим, молотим, молотим, зарабатываем бабки и ничего вокруг себя не видим, – Фелюрин отпил из своего бокала, – О чем я думал последние годы? Да кроме денег ни о чем. Сначала контору на ноги ставил, ни о чем другом не думал, на мне долг висел, кредит нужно было отдавать, затем кредит отдали, денег заработали и что, я по-прежнему думаю только о деньгах – как увести

клиентов от конкурентов, как им запудрить мозги, как отжать побольше денег, как урвать еще больше, краю, ловчу, обманываю людей, кидаю всех кого могу, накалываю государство, плачу не все налоги, а для чего? Чтобы мои дети могли просадить на игровых автоматах лишнюю тысячу долларов..? Я понял, я бабки по инерции зарабатываю и кроме зеленых баксов ни на что всерьез внимания не обращаю, – ухмыльнулся Фелюрин, – Зачем мне так много денег? Их у меня итак уже столько, что мне до конца дней хватит. А самое интересное, что, имея на счетах годовой бюджет Албании, я живу в дерьме. Вся страна живет в дерьме и даже со своими бабками я вынужден жить в дерьме, в нищей разграбленной стране в окружении убогих и нищих людей. Более того, я недавно осознал, что в России быть богатым просто опасно, и неизвестно, что страшнее: братки, люди в кабинетах или доведенные до отчаянья сограждане!?

После такой тирады Фелюрина Мелехов понял, что за коньяком предстоит говорить не о новогодних каникулах и не о поездках за границу и даже вряд ли придется обсудить ближайшие рабочие планы. Мелехов, не аристократично, залпом выпил оставшийся в рюмке коньяк, налил себе еще и освежил бокал Фелюрина.

– Саша, я понял, о чем ты говоришь, – настроился на длительную беседу Мелехов, – Но я, например не живу в дерьме и меня не окружают всякие уроды. Я общаюсь с теми людьми, кто мне приятен. И вокруг себя замечаю только те вещи, которые мне интересны, а не противны и уж точно не обращаю внимания на то, что меня раздражает или ввергает в уныние или депрессию.

– Естественно, Вова. Ты романтик. Ты большой ребенок. А я вырос и повзрослел, если тебе так понятней. Да, наверно это вариант жить, так как ты и замечать только приятные вещи. В случае чего, как страус – голову в песок. Сказал жене, что тебе нужно работать, заперся у себя в особнячке, позвонил знакомой телочке и отвисаешь с ней день, другой, третий. Тебя окружает дорогая мебель, хорошая музыка, камин, кресло, медвежья шкура у ног, шикарная коллекция фильмов и вин и, в общем-то, почему бы и нет, но вся штука в том, Вова, что у нас есть возможность повлиять на то, чтобы в стране была нормальная жизнь. Мы можем в России сделать жизнь чуточку лучше. И за то, что мы этого не делаем, мне уже становится стыдно. Я раньше думал, что самое главное, для меня – это заработать деньги. Знаешь – рабская психология нищего. Но теперь, когда я их заработал, я понимаю, что ни это главное. Деньги – это средство, а ни цель. Первоочередные вопросы в нашей жизни уже решены. И для родных и близких мы все сделали, мы живем комфортно в шикарных условиях, пора отдавать долги, созидать, сделать что-то достойное, помочь стране, людям, хватит жить растениями.

– А, что мы можем сделать? Не рекламировать плохие товары. Или отказывать бандитам и не помогать им выигрывать выборы? – иронично поинтересовался Мелехов.

– Хотя бы, – пропуская мимо ушей иронию Мелехова, согласился Фелюрин.

– Но тогда мы останемся без заказов, и рухнет сначала контора, а затем и вся наша с таким трудом отлаженная жизнь. Не забывай, – продолжил Мелехов, – Что вместе с нами пошатнутся дела еще у двухсот человек, которые у нас числятся в штате. Мы за них тоже отвечаем и если угодно, то мой вклад в нормальную жизнь в России – это безбедное существование двухсот человек, которым я даю работу и плачу зарплату.

–

Все верно, Вова, я с этим не спорю, но согласись, что с нашими возможностями мы способны на большее.

–

На что? – уже без иронии и даже с некоторой агрессией спросил Фелюрин. Ему начала надоедать беспредметная беседа и интеллигентские настроения Мелехова.

–

Вот смотри, – после небольшой паузы начал Фелюрин. – Скорее всего, ты не слушаешь плахой музыки, потому, что в машине, дома, в особняке, в офисе, – Фелюрин глянул на шикар-

ную аудиосистему Мелехова, которую тот привез из Японии специально для офиса, – и там где ты обитаешь у тебя отличная коллекция дисков и собрана вся классика от Генделя до Шнитке, а так же все мировые хиты за последние лет шестьдесят. Плохого кино ты тоже не смотришь, потому что у тебя опять же великолепная коллекция фильмов, и ты в кино профессионально разбираешься. Пошлых и бездарных книг новых, псевдомодных авторов, естественно, ты тоже не читаешь, потому что ты собрал огромную библиотеку и, что не мало важно, почти всю прочитал ее. К услугам телевидения, я думаю, ты прибегаешь крайне редко, потому что для развития тебе там почерпнуть практически нечего. Со вкусом и с образованием у тебя полный порядок. С детства отец из Москвы возил тебя в Питер, ты гулял по «Эрмитажу», «Русскому музею», «Летнему саду», видел квартиру Пушкина на «Мойке», «Невский проспект», «Казанский собор»,

белые ночи и все прочее. Про «Третьяковку», «Арбат», «Большой театр» и «Ленинскую библиотеку» я и не говорю. Родители проследили, чтобы у тебя было отличное образование, не важно, что ты бросил институт. Потом, ты встал на ноги, стал зарабатывать, путешествовал по Европе, объездил полмира, видел и джунгли, и горы, и пустыни, и водопады, и Гранд Каньон и Ривьеру, участвовал в сафари, убивал слонов и носорогов как Хемингуэй, снимал кино на Северном полюсе, общался с чукчами, неграми, индейцами, был и в Африке и в Австралии. Своими глазами видел матчи НБА и НХЛ. Тебя прикалывает автоспорт? Пожалуйста, ты был и на «ралли Париж-Докар» и на гонках «Формулы-1» в Монако, ты несколько месяцев провел в Голливуде, сидел в зале на вручении премии «Оскар»... Ты везде был, все видел, тебе все есть с чем сравнить. У тебя полное, свое представление об этом мире. Тебя невозможно смутить или чем-либо удивить. Ты защищен со всех сторон. Ты стопроцентно знаешь, как устроен мир, и что можно от него ждать...

–

К чему ты это все? – перебил Мелехов.

–

К тому, Вова, что тебя и меня подготовили к этой жизни. У тебя хватает ума не смотреть телевизор, а если и смотреть, то не верить всему тому, что там говорят и показывают. Ты не тратишь время попусту, не читаешь конченных книг, которые продают в метро, да ты и в метро то не бываешь, – ухмыльнулся Фелюрин, – Имен наших эстрадных звезд ты не знаешь до тех пор, пока я тебя лично с ними не познакомлю, перед тем, как ты начнешь с ними работать и снимать им клипы и прочие кино, фото и видеоматериалы. Ты марсианин, Вова, точнее ты нормальный человек, который не подвержен тотальной, повсеместной рекламе, телевидению с его депрессивными новостями, убогими сериалами и бесконечными концертами таких же убогих, стареющих эстрадных звезд, которые без фанеры не могут ни одной ноты спеть, и которым, кстати, мы продляем жизнь на сцене, снимая хорошие клипы, давая возможность им зарабатывать бабки и разжигать мозги нашим, и без того темным, согражданам... Так вот. Ты от этого всего дерьма далек, но это ты, я, другие нам подобные, а вся страна-то это хакает и принимает за чистую монету.

–

Что принимает за чистую монету? – решил уточнить Мелехов. Разговор для него стал интересным, и ему даже захотелось узнать, чем все это закончится. Он снова взял бутылку и разлил коньяк по рюмкам.

–

Вова, да ты просто на несколько мгновений высуну свою голову из песка и посмотри, что творится вокруг! – ужаснулся Фелюрин, – На телевидении, на центральных федеральных каналах, которым люди верят за пределами Москвы, горстка людишек правит балом и обслуживает интересы другой горстки нелюдей. Новости невозможно смотреть – это я говорю не только как специалист, но и как зритель. Включаешь телевизор и видишь, какие сюжеты заказ-

ные и проплачены в белую, какие в черную, где скрытая реклама, где явная, причем все сделано так грубо, все шито такими белыми нитками, что даже обидно становится, неужели они всю страну держат за дураков. Политика! – Фелюрин сделал многозначительную паузу, – Это вообще не выносимо. Все куплено на корню, везде рояли в кустах, с экранов говорят одни и те же люди, которым мы, кстати, подбираем пиджаки и пишем речи, а они потом побеждают на выборах и занимают важные посты во власти, ездят с мигалками по Кутузовскому проспекту, живут на Рублевке, решают вопросы за откаты, доли и взятки... У нас, что не выпуск «Новостей», то сплошные криминальные сводки: взорвали, убили, зарезали, взяли на той же взятке. Такое впечатление, что Россия – это одно большое Чикаго. У народа и так безнадега, а они им такие новости показывают – один сплошной негатив. Взять Чечню, теракты, захваты заложников. Да они давно всем надоели. Страну перекормили насилием, отрезанные головы с экрана уже никого не удивляют. Дальше, – Фелюрин остановился, залпом выпил коньяк, и продолжил энергично ходить по кабинету, – Те же федеральные каналы навязывают народу глупые бразильские, венесуэльские, португальские и бездарные отечественные сериалы. В лучшем случае – это плохо снятые и безвкусно смонтированные детективы с никакими, идеями где уже в первых сериях понятно, кто кого убил, когда и за что, думаю в этом аспекте ты со мной спорить не будешь? – Фелюрин внимательно посмотрел на Мелехова.

–

Да, дерьмового «мыла» хватает, – согласился Мелехов, – Я хоть и не много видел, но из того, что видел – очень отвратное зрелище. А главное, – оживился Мелехов, – я не понимаю, зачем они за основу берут такие надуманные истории, когда написано столько великих книг и существует уже сотни выписанных, выверенных, проверенных временем сюжетов и классических произведений? И еще один момент меня смущает...

–

Какой? – искренне заинтересовался Фелюрин, эта беседа его сильно захватила.

– Ведь, всем же понятно, что делать качественное кино, хорошие сериалы, мощные программы – это намного выгоднее, чем забивать эфиры «мылом». Это, конечно, более долгий путь, более дорогой и более сложный, но он единственно правильный. Если делать достойный продукт, снимать все по уму, не экономить, не кроить, то телезрители со временем разберутся и предпочтут качество, а если вырастит аудитория, то поднимутся и рейтинги, а значит, и увеличатся рекламные расценки. То есть, делать серьезное кино и телевидение стратегически правильной, ты одновременно завоевываешь аудиторию и развиваешь ее. Плюс ко всему, это все становится выгодным бизнесом, и за счет дорогого рекламного времени окупаются все затраты. Но у нас почему-то всегда принято идти по легкому пути, – с небольшой долей горечи сказал Мелехов.

–

Вот именно! – Победоносно произнес Фелюрин, и продолжил, – Кто создает все это дешевое отечественное мыло, по вымученным, неправдивым, совершенно искусственным историям? Кто пишет бездарные сценарии? Кто снимает залепухи в сто и двести серий?! – Фелюрин выдержал паузу, – Наши с тобой, Вова, знакомые! Наши коллеги из кино и теле объединений и различных продюсерских центров. Что, все они бездари? Или идиоты!? Нет. Там такие же хваткие и резкие ребята со ВГИКовским образованием, у многих за плечами опыт работы на полнометражных картинах, многие были ассистентами у маститых режиссеров, у зубров советского кинопроизводства. Что, они не понимают, что снимают дерьмо? Отлично понимают, но за это дерьмо платят деньги и в это дерьмо не надо вкладывать свою душу, талант и здоровье. Продюсеры считают, что основная аудитория, причем платежеспособная аудитория, мыльных опер и прочих сериалов – это бабушки, домохозяйки, молодые мамы, беременные женщины и одинокие дамы, короче все, кто днем и вечером сидит дома. Их подсаживают на любовные сериалы, многие из них одновременно смотрят по три-четыре мыльных оперы, причем, эти

сериалы на каналах грамотно раздуливают, чтобы они по времени не пересекались и втюхивают одиноким и сентиментальным теткам прокладки, подгузники, кошачью и собачью еду, шампуни, лосьоны, косметику и еще бог знает что. То есть, сериалы изначально не претендуют на искусство, не рассчитаны на развитие эстетики и культуры нации, они нацелены в первую очередь на повышение объемов продаж конкретных товаров. Сериалы это часть технологии которая обслуживает торговлю.

—

Но это же мировая практика и российские продюсеры не первооткрыватели в этом направлении, это ж прописные истины, — со скучным видом сообщил Мелехов, — Неужели ты этим хотел меня удивить?

—

Вова, я не хочу тебя удивить, я хочу, чтобы ты ужаснулся, чтобы у тебя была такая же паника, как у меня, — сказал Фелюрин и устав метаться по кабинету, сел обратно в кресло.

—

Ну, это вряд ли. Я не вижу ничего ужасного в плохих сериалах. Их можно не смотреть.

—

Опять ты за свое, — почти крикнул Фелюрин и снова соскочил с кресла, — Я тебе о том и толкую, что те, кому втюхивают конченные сериалы, бездарные книги, продажные газеты, они не понимают, что их лучше не смотреть и не читать. Я тебе о том и говорю, что культурный уровень страны катастрофически падает и главная беда в том, что люди, которые могли бы повысить культуру нашего народа, они этого не делают, а наоборот целенаправленно понижают его, чтобы быдло проще развести и впарить ему совершенно ненужные и низкокачественные товары.

—

Здесь с тобой не поспоришь... Но как можно поднять культуру нации? Ты уверен, что нация этого хочет?

—

Не знаю. Да это и не важно. Хочет, не хочет, какая разница? Это нужно делать. Коммунисты же не дураки были, что наравне с разрухой боролись и с неграмотностью. Сделали бесплатным образование. Не будем сейчас спорить о качестве этого образования, но оно было для всех и это важно. Книги русских и зарубежных классиков издавались миллионными тиражами и стоили копейки. Мировые шедевры были доступны для всех. А сейчас — книга стала товаром. Хорошие книги стоят дорого, то есть уже не для всех. Читающая аудитория становится меньше. Да и что сейчас читают? То же мыло, только в книжном варианте: боевики, сентиментальные романы, детективы, фантастика, ужастики, триллеры. Ни одно российское издательство сейчас не выпускает сборники рассказов. Они не продаются. На них нет спроса, а значит издавать их не рентабельно. В издательском бизнесе сейчас происходит то же, что и на телевидении. Книги выходят только в сериях. На них так же подсаживают читателей, и те ждут и покупают каждую новую книжку в серии. Если ты принесешь в издательство даже гениальный роман, но он не подойдет ни в одну из их серий, тебе откажут. Ну, в лучшем случае дадут телефоны других издательств. А самое страшное, что почти всеми крупными российскими книжными издательствами, которые в основном находятся в Москве, в столице нашей родины, Вова, заправляют чеченцы и евреи. То есть чеченцы и евреи решают, что читать нам, жителям огромной России. И при таком раскладе, естественно, ни о каком повышении интеллектуального и культурного потенциала нации, опять же, не может быть и речи. Зачем чеченцам и евреям думать о том, чтобы Россия была сильной мощной державой? Ну, им я это простить могу. Но когда русские, преследуя, свои маленькие, сиюминутные выгоды, втаптывают в грязь свою страну и свой народ — этого я понять никогда не смогу. Россия — это страна Суворова, — с пафосом произнес Фелюрин, — Ломоносова, Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Чайковского, Дягилева,

Репина, Сурикова... У нас такая великая культура, такая богатая история, ни один народ в мире столько, сколько мы не воевал, ни один народ в мире столько, сколько мы не хлебнул, что еще должно случиться с Россией, чтобы наши люди почувствовал себя единым народом, чтобы русские сплотились, чтобы у нас появилось самоуважение? – Фелюрин остановился и, махнув рукой, снова сел в кресло.

В кабинете повисла пауза. Мелехов немного посидел без движения, а затем взял бутылку и в очередной раз наполнил стопки.

– Саш, но ведь все о чем ты говоришь, это ведь давно не новость, – сказал Мелехов, и пригубил коньяк, – Сюда же ты можешь приплести и мир кино, и театра, и весь рекламный бизнес, и шоубизнес, где заправляют голубые, «нежные» мальчики и ухоженные старцы, которые навязывают свои извращенные взгляды по средствам того же телевидения всей дремучей России. Или, возьми послушай, какие вокальные и музыкальные шедевры льются из эфиров многочисленных радиостанций. Всем же понятно, что все, что там играет, все за деньги. И все хит-парады и ротации проплачены и куплены на сто процентов. Практически все радиостанции с музыкантов берут деньги – это бизнес, таковы на сегодня правила игры.

– Но ведь так не должно быть. Европа и Америка всем этим давно переболели, – снова с энтузиазмом начал говорить Фелюрин, – Например, во Франции если ты кинопрокатчик и показываешь один американский фильм, то за это в своих кинотеатрах ты должен обязательно показать четыре французских полнометражных картины, не важно, плохих, хороших, но французских. А у нас, америкосы дали взятки всем кому надо в министерстве культуры и завозят к нам свои дешевки пачками. Или взять тот же шоубизнес. Американское «MTV» – из трех клипов, которые у них в эфире, два прокатывает за бабки, а один ролик показывают всей стране для развития, бесплатно, то есть это по настоящему маленький шедевр и по видео, и по музыке, и по тому, как это спето. И их звезды стараются делать эти шедевры и не только для того, чтобы эфиры для них были халявные, не без этого, конечно, они там все в столбик считают, а в первую очередь для того, что если тебя бесплатно крутит «MTV» – то это признание, признак класса, а значит и подтверждение звездного статуса. А наши музыкальные каналы, мало того, что всё за бабки, так они еще в эфиры только своих «нежных» пускают. Будь ты хоть мегаталант, но пока какой-нибудь голубой продюсер тебя в эту тусовку не введет и со всеми не познакомит, ты так и останешься никем. Они жестко контролируют свой мирок и никого туда не впускают, поэтому и эстрада у нас такая убогая, а ребятишки по всей стране смотрят на этих педиков и начинают им подражать, одеваться как они, хоть запрещай детям телевизор смотреть.

– По-моему, ты слишком категоричен, – возразил Мелехов, – Нужно не запрещать, а просто четко регламентировать и отслеживать, что они смотрят. По крайней мере, когда моя Полинка подрастет, я именно так и буду делать.

– Это не выход. Дети есть дети. Все равно, когда тебя нет дома, они будут смотреть что захотят, – авторитетно заявил Фелюрин, так как борьбу за мозги своих детей, не смотря на все ухищрения, телевидению он уже начисто проиграл, – Тут надо кардинально все решать. Самое-то обидное, что у телевидения, кино, газет, радио и всего остального, что влияет на массовое сознание и культуру целой нации, имеется потрясающий ресурс в области развития, образования, воспитания, прививания вечных ценностей, таких как честь, порядочность, дружба, любовь, благородство и так далее. Но вместо того, чтобы развивать и окультуривать одну шестую часть суши, все, кто это мог бы делать, творят вещи прямо противоположные, которые, в конечном счете, ведут к деградации, обыдлению и превращению целой нации в животных.

– Печальные картины ты, Александр Викторович, рисуешь, а главное, я никаких выходов из этого всего не вижу. То о чем ты говоришь, должны понимать все, ну если не все, то многие. Но все дело в том, что большинство не в состоянии осознать то, что происходит, а те, кто это

осознает, например как ты, как я, они не в силах повлиять на эти процессы, – совершенно спокойно, словно подводя итог всей беседе, сказал Мелехов.

– Вот тут, Саня, ты как раз ошибаешься, – оживился Фелюрин, – У этой проблемы есть корень, причина. Я не спроста перечислял твои коллекции, упоминал о твоём образовании и вкусе. Понимаешь, все дети, ну или почти все, рождаются одинаковыми. Кто-то в большей степени, а кто-то в меньшей, но все способны развиваться. Просто одним сопутствует удача, а другим нет. У одних, как у тебя, есть любящие и заботливые родители, которые с пеленок занимались тобой, воспитывали и развивали. У тебя было нормальное детство, веселая юность, ты смог реализоваться в зрелом возрасте, понимаешь?

– Нет, – искренне ответил Мелехов и замахнул очередную рюмку коньяка. Только после нее он почувствовал, как тепло разлилось по его телу, а вместе с тем ощутил бодрость и легкое головокружение: «Ну, наконец-то!», – обрадовался он тому, что коньяк его все таки зацепил и развалился поудобней в своем кресле.

– Хорошо, постараюсь выразиться яснее, – сказал Фелюрин и, сморщив свой высокий лоб от усердия, сдвинулся на край кресла, – Понимаешь, Вова, все рождаются практически одинаковыми, если не брать генетику, плохую наследственность, патологии и прочие тонкости. Просто одними детьми занимаются, а другими нет. Одних воспитывают и развивают, а других нет и потом, когда они вырастают, одни с сформированным мировоззрением идут учиться в институт, и устраивают свою жизнь, а другие воруют, садятся в тюрьму, идут на панель, живут, как перекасти поле, но понимаешь, в том, что они становятся проститутками, ворами или бомжами, они не виноваты. Они заблудшие души. Понимаешь? Ими никто не занимался, им никто не помог, их никто не учил жить, понимаешь? Они не виноваты в том, что они такими стали. У них просто не было выбора или другого пути. Им никто не показал и не подсказал другого пути. Их никто не подготовил и не научил жить.

– То есть, если я правильно понял... – Мелехов сделал внушительную паузу, – Ты хочешь сказать, что все те люди, которые смотрят плохие сериалы, покупают книги в метро и верят рекламе, это все заблудшие души?

– Вот именно, у нас целая страна заблудших душ, которым нужно помочь, их нужно развивать. Они не плохие, просто они не могут, не умеют пока жить по-другому, их еще этому никто не учил, понимаешь?! – обрадовался Фелюрин и с удовольствием, от того, что Мелехов наконец-то его понял, взял со стола свою рюмку с коньяком и обратно сел поглубже в кресло.

– И, что из этого следует? – поинтересовался Мелехов.

– А из этого следует, что по телевидению должны идти хорошие фильмы и передачи, которые будут развивать и учить доброму и вечному, как бы пошло это ни звучало. В кинотеатрах должны идти отечественные фильмы. Должны быть законы, которые будут запрещать рекламировать плохие товары. Новости должны рассказывать не о криминале, а обо всем хорошем, самом лучшем, что есть в нашей жизни, они должны вселять в людей оптимизм, уверенность в завтрашнем дне. Вспомни, из истории, страна после войны из руин поднялась за считанные годы, а почему, да потому что у коммунистов была пропаганда, они трубили на всех углах о достижениях страны советов, СССР был самый-самый, люди с радостью шли на работу, совершали подвиги, они ощущали себя творцами истории, а отсюда у них был и дух, и народное сознание, и самоуважение. В СССР был культ науки, культуры, образования, спорта. Помимо пропаганды, я считаю, обязательно должна вернуться цензура, во все средства массовой информации, во все книжные издательства, причем цензура должна быть не идеологической, как при коммунистах, а этической, эстетической если угодно...

– Саша, – перебил Мелехов, – Как должно быть – это понятно. А как это сделать? Основная-то проблема в этом.

– Вот тут, мы и переходим к самому главному, – заговорщицки сказал Фелюрин и поднял палец вверх, – Если сидеть и ждать, когда все это произойдет и наступит само собой, то можно не дожидаться. Поэтому, нужно начинать действовать самим.

– И как же? – поинтересовался Мелехов. Ирония снова вернулась к нему, – Да ты революционер.

Иронию Мелехова Фелюрин снова пропустил мимо.

– Еще в юности, – начал Фелюрин, – Я понял, если хочешь изменить мир – начни с себя. Вот, Вова, мы и начнем с себя.

– Ну-ну, – улыбнулся Мелехов. Последнее высказывание Фелюрина показалось ему совсем забавным.

– После отдыха на морях, в теплых краях и в Альпах, – продолжал гнуть свое Фелюрин, ни чуть не смущаясь реакции Мелехова, – Мутное мое сознание прояснилось и так мне захотелось сделать что-нибудь полезное, полезное для всех, понимаешь? – Он внимательно посмотрел на Мелехова, – Теперь, когда денег у нас хватает, контора на плаву, можно сделать что-нибудь стоящие для целой страны. Для народа. Для нашей культуры, в конце концов. Серьезных заказов у нас пока не предвидится, банкиры, судя по всему, с крючка соскочили, а пока затишье, свое имя на рынке добрым делом поддержать было бы не плохо. Поэтому, мы за свои деньги, нашими производственными мощностями, снимем малобюджетное, но гениальное кино. Снимем не дорого, с коленочки, никаких карет, замков, дорогих костюмов и декораций. Никаких погонь и самолетов. Минимум актеров, никаких массовок, но на все главные роли пригласим звезд. История будет происходить в нашем времени, в городских условиях, чтобы ничего дополнительно строить и городить не пришлось, короче сделаем подарок стране, снимем добротное кино, и сделаем это дешево, но сердито. Расскажем историю о герое нашего времени, точнее попытаемся его найти, потому что я не знаю, кто сейчас герой нашего времени. Причем, в качестве сценариста и автора идеи найдем какого-нибудь молодого таланта из провинции или студента какого-нибудь творческого московского ВУЗа. А, чтобы ты не думал, что я с ума сошел, – Фелюрин внимательно посмотрел на Мелехова, который просто опешил от всего услышанного, – Я тебе кое-что объясню.

– Да, уж. Сделай милость, а то я стремительно начинаю трезветь, – пожаловался Мелехов.

– Хорошо тебе, а меня так и не накрыло, – сказал Фелюрин и разлил остатки коньяка по рюмкам. Пустую бутылку он закрыл пробкой, и бросил ее в мусорную корзину под Мелеховским столом, – Дело в следующем, – продолжил свои объяснения Фелюрин, – Во-первых, на рынке сейчас затишье. Как ты знаешь, оно продлится до середины, а то и до конца февраля. Во-вторых, все это время наши сотрудники будут ходить на работу и при этом практически ничего не делать. Вот мы им работки и подкинем. В-третьих, найти, открыть и дать шанс самородку или молодому таланту – это все оценят. В-четвертых, если парень потянет, то со временем, его можно будет припахать в нашем агентстве и взять на зарплату. Ну, и самое главное, то о чем мы с тобой так долго сегодня говорили, мы сделаем подарок стране. Я уверен – это будет отличное кино и нам за него будет не стыдно. Фильм, естественно, мы раскрутим, как мы это умеем, прокатим его по всем кинотеатрам страны, а потом предложим его какому-нибудь центральному каналу. Денег мы, конечно, шибко не заработаем, но свое отобьем однозначно. Плюс ко всему шикарно засветимся. А, чтобы все было серьезно, гениально и талантливо, молодых авторов мы попросим написать историю о добре, чтобы это был гимн студенчеству, чтобы история была о чести, о любви, о дружбе, о том, что добро всегда побеждает, чтобы наш герой стал примером, кумиром, а заодно мы узнаем ответ на вопрос, кто же герой нашего, непростого времени.

– Дела..., – обречено вздохнул Мелехов, окончательно поняв, что Фелюрин не шутит и все говорит более чем серьезно, – Скажи, ты, когда сюда зашел с коньяком, ты с кино для себя уже все решил? – поинтересовался Мелехов.

– А, почему ты спрашиваешь?

– Мне просто интересно, если ты все уже решил, то зачем ты мне промывал мозги, зачем ты устроил все это шоу, говорил о спасении нации, о заблудших душах? Мог просто зайти и сказать, так и так... Посидели бы спокойно, без надрыва, без споров. Выпили бы коньяк, все бы обсудили, а то вон, сколько времени потеряли, – с нотками обиды и недоумения в голосе сказал Мелехов.

– Нет, Вова, когда я сюда шел, я еще ничего не решил. Просто чем больше я с тобой говорил, тем сильнее я укреплялся в идеи создания фильма. Не просто фильма, а настоящего кино!

– Так, с этим ясно. Теперь скажи мне, если ты собрался искать самородка, что, в общем-то, похвально, то наверно нужно объявлять какой-то конкурс и начинать уже шевелиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.